

Больше, чем любовь

> 0 романе в письмах двух гениев поэзии

РОВНО СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ назад ушла из жизни Марина Цветаева, яркий, неординарный, талантливый поэт. Ей выпала такая же судьба, в которой сплелись события, достойные пера романиста.

В минувшую среду на канале «Культура» прошла передача «Больше, чем любовь» о романе в письмах, которые связывали Марину Цветаеву с Борисом Пастернаком.

Эпистолярный роман Цветаевой и Пастернака длился более десяти лет. Он послал ей сборник стихов «Сестра моя, жизнь», и она откликнулась восхищенной статьей «Световой ливень», а затем – «Эпос и лирика современной России», «Поэты с историей и поэты без истории». И в августе 1927 года Марина писала: «У тебя, Борис, есть идеи и идеалы. В этом краю я не князь»... Двум гениям поэзии не суждено было встретиться.

Позже в одном из писем к своему чешскому другу журналистке Анне Тесковой уже металась в сомнениях: «Борис на счастливую любовь не способен. Для него любить – значит мучиться. Летом 1926 года, прочтя где-то «Поэму Конца», Борис безумно рванулся ко мне, хотел приехать – я отвела, не хотела всеобщей катастрофы. (Годы жила мечтой, что увижусь.) Теперь – пусто. Мне не к кому в Россию. Жена, сын – что, но новая любовь – отстраняюсь. Поймите меня правильно, дорогая Анна Антоновна: не ревность. Но – раз без меня обошлись! У меня к Борису было такое чувство, что: буду умирать – его позову. Потому что чувствовала его, несмотря на семью, совершенно одиноким – моим. Теперь мое место замещено: только женщина ведь может предпочесть брата – любви! Для мужчины в те часы, когда любит, любовь – все. Борис любит ту совершенно так же, как в 1926 году заочно – меня. Я Борису написала: «Если бы это случилось пять лет назад... – но у меня

своя пятилетка!» Острой боли не чувствую. Пустота.

Через много лет, живя в эвакуации в Чистополе, Борис Леонидович, встречаясь с писателем Gladковым, скажет, что вмерзшие в Каму баржи напоминают ему Марину Цветаеву, которая перед отъездом из Чистополя кому-то сказала, что она предпочла бы вмерзнуть в Чистополе в лед Камы, чем уезжать. «Когда-нибудь я напишу о ней, я уже начал», – пообещал поэт.

Именно в Чистополе Борис Пастернак пытался осмыслить «ход веков»

русской истории. Именно здесь он почувствовал свободу: «Я прожил эту зиму живо и с ощущением счастья среди лишений и в средоточии самого дремучего дикарства, благодаря единomyслию, установившемуся между мной и Фединым, Асеевым, а также Леоновым и Трениным».

– Чистополь отвечает Пастернаку вменяемо. Он бережно хранит этот дом по улице Володарского, 81, в котором жил поэт в годы эвакуации. И вы всегда можете прийти сюда в гости, – так сказала мне Нина Степановна Харитоновна,

краевед, чьей заботой и стараниями в Чистополе было установлено около 20 мемориальных досок писателям и поэтам – писательской колонии в годы войны. Я побывала в этом доме. Деревянная лестница, пальто на вешалке, бурки. Простота и скромность жизни, казалось, были его потребностью. Пол, половики, окна, стол, ласточки, нарисованные на стене, чайник, медный котелок, умывальник, керосиновая лампа, чернильница, ручка и карандаш... Это единственный в России музей Бориса Пастернака... Все знают, что у Пастернака всегда было много поклонников и подражателей, но ученик один – утверждает Дмитрий Быков, автор книги «Борис

Пастернак». Имя ученика – Андрей Вознесенский. Пастернак научил его главному, что умел – сохранению дара. И Вознесенский сохранил этот дар до конца своей жизни, во всем: в поэзии, в отношении с людьми и властью.

В феврале 1990 года в Москве в центральном доме литераторов Андрей Вознесенский дал автограф челябинским студентам:

«Дорогие челябинцы! Пусть этот ваш вечер будет чистейшим ЧП. Челябинский путь к Пастернаку». И подарил свой плакат – «Распятие поэта», хранящийся в моем архиве.

Тогда же в эти памятные февральские пастернаковские дни Римма Казакова подарила нам свои стихи, посвященные Борису Пастернаку.

...Уезжают русские евреи,
Покидают отчий небосвод,
И кому-то, видно, душу греет
Апокалиптический исход
...Удержать их, не пускали ли?
Дождь над Переделкином дрожит.
А на указателе
«К могиле Пастернака» –
выведено: «Жид»...

В тот год челябинские студенты побывали в музее изобразительных искусств имени Пушкина, потом на открытии его дома-музея в Переделкине, в музее Чистополя.

Для нас праздник тогда не закончился...

Еще была жива Анастасия Ивановна Цветаева, сестра Марины, и я, приходя к ней, просила, нельзя ли купить у кого-нибудь то, что издавалось «за кордоном» в самиздате. Анастасия Ивановна давала адрес, и я везла в Челябинск уникальные материалы, чтобы все это прочитать моим студенческим корреспондентам, учившимся в Челябинском педагогическом институте и работавшим в газете «Молодой учитель». Так родилась тема «Марина Цветаева и Борис Пастернак».

Они остались навсегда совместны и в эпистолярном наследии, и даже во время «невстречи», к которой очень рвались

АИДА ЗЛОТНИКОВА,
исследователь творчества
Марины Цветаевой

Московские записки

> ИЗ ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ

Художник Фима

Мне всегда интересно разговаривать с Фимой. Вообще-то он Ефим Романович, а еще точнее, на иудейский манер, Рувимович. Но просит, чтобы называли его по-домашнему – Фимой. Фима – художник, иллюстратор книг. В прошлом. Хотя бывших художников не бывает. Закончил Строгановское, больше тридцати лет проработал в разных московских издательствах. Замечательный шрифтовик! Шрифты – и моя страсть. В советские годы, рассказывает, колесил по всей стране, из союзных республик привозил издания с образцами национальных шрифтов. Пригодилось в работе.

Фима вынимает из шкафа сразу с десяток пожелтевших от времени книжек, раскладывает передо мной:

– Раньше идешь по Москве, и в витрине каждого книжного магазина – книги, что я оформлял. Да, вот эти самые. На девушек этот трюк действовал безотказно: «Смотри, Маня,

это все мои книжки». «Ой, какой же ты талантливый, Фима!» А теперь хожу, и все кругом чужое. Совсем другие книги в витринах. Да и саму Москву я уже давно не узнаю.

– Сколько же времени уходило на оформление одной книги? – дилетантски спрашиваю я.

Он ненадолго задумывается, потом рассуждает вслух:

– Ну вот смотри, проработал в издательствах я примерно тридцать лет и оформил около трехсот книжек. Вот и считай: десяток – в год. Ну, это так, в среднем. В общем по-разному бывало. Случалось, книга, что называется, не шла. Издательство торопит, автор названивает, а у меня ступор. Но потом все равно что-то вырисовывалось.

– Кстати, про авторов. Как с ними работало?

– Тоже всякое бывало. В основном доброжелательно, хорошо принимали мою работу. А случалось, позвонит автор, пригласит в гости. Еду к нему, везу готовый материал. Вынимаю из папки листы, раскладываю перед ним, а он кричит жене на кухню: «Марфуша, иди-ка сюда! Тут Ефим Романович рисунки принес. Посмотри-ка их». Вот так иногда

какая-нибудь Марфуша и решала судьбу моей работы.

Фима, как многие старики, любит вспоминать пережитое. Память часто уносит его туда, где не было подагры и диабета, где легко танцевалось с молодыми девушками. А еще он вспоминает довоенное детство:

– Жили мы на Петровке, в коммуналке. Как все тогда. Папа работал в наркомате тяжелой промышленности. К кому-то из соседей часто приходил нарком Ежов. Я бегал по нашему длинному коридору и всякий раз, заведя его, кричал: «Здравствуй, дяденька Ежов!» Тот смеялся и всегда трепал меня за вихры. А однажды – вот как сейчас помню, в тридцать седьмом году это было – подарил он мне пропуск на трибуну первомайского парада. Неспроста: день рождения у меня 1 мая, и тогда семь лет мне исполнялось. Ну, на парад я, конечно, с отцом пошел, но пропуск был вручен лично мне!

Фима ненадолго задумывается, потом продолжает рассказ уже каким-то отстраненным голосом, как на приеме у психотерапевта:

– Где-то напротив нашего дома на Петровке, чуть наискось, стоял двухэтажный особняк с

мезонином. На нем вывеска была: «Начес трикотажа». Я ребенком подходил к окну в нашей комнате, прижимался лбом к стеклу и, вглядываясь в вывеску, читал по слогам: на-чес три-ко-та-жа. Но что это означает, я не понимал... Я и сейчас не понимаю.

Раздражающие факторы

Что раздражает в Москве с самого начала? Давка в метро в часы пик? Автомобильные пробки? Извечная московская суета? Ничего подобного! Меня, новосела, поначалу раздражали только горожане, повсеместно пьющие пиво прямо из бутылок. Да еще – секьюрити. Именно секьюрити! А не охранники, не сотрудники службы безопасности. Ведь на бейджах и нашивках у них так и написано: SECURITY. Эти вездесущие brave молодые строго приглядывали за мной везде: в банке, магазине, аптеке, химчистке, парикмахерской. Но прошло время, и раздражение мое исчезло. Теперь я и сам не прочь глотнуть прямо на улице какого-нибудь «светлого» или «темного». Ведь так легко пережить жару и едкий смог во время летних пожаров. А лысый секьюрити из ближайшего супермаркета стал почти родным: всякий раз распахивает передо мной дверь, здоровается и заводит разговор о своей простреленной в Чечне ноге

ИГОРЬ ВАРЛАМОВ,
член Союза российских писателей

> Книга – великая вещь, пока человек умеет ею пользоваться. Александр БЛОК